

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 881–896, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 323.11

Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью)

Татьяна Николаевна Литвинова¹,
 Александр Сергеевич Железняков^{2, 3, 4},
 Святослав Вадимович Никифоров^{5, 6, 7}

The Ethnic Factor in Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue with Evidence from Buryatia: Analyzing Expert Interviews

Tatiana N. Litvinova¹,
 Alexander S. Zheleznyakov^{2, 3, 4},
 Svyatoslav V. Nikiforov^{5, 6, 7}

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, профессор

 0000-0002-5382-3751. E-mail: tantin[at]mail.ru

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Professor

² Институт социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, (д. 24/35, к. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра

³ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора

⁴ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор политических наук, исследователь

 0000-0002-6477-6161. E-mail: zhelezniakovas[at]yahoo.com

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of the Center

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of the Department

MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Professor

- ⁵ Институт социологии федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, (д. 24/35, к. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация) Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Senior Research Associate
- ⁶ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация) Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Senior Research Associate
- ⁷ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация) MGIMO University (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, исследователь Cand. Sc. (Law), Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

 0000-0003-3842-4848. E-mail: ursus-arktos[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В., 2025

© Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется роль этнического фактора в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия. Республика Бурятия выступает примером пограничного региона, находящегося в зоне «перехлеста» российской и монгольской цивилизаций, своеобразным форпостом двух цивилизаций. В связи с этим встает вопрос о конкуренции (сочетании) у проживающих в республике бурят этнической, гражданской и цивилизационной идентичности. *Материалы и методы.* В качестве методологических оснований используется сочетание социального конструктивизма и цивилизационной политологии. В 2024 г. был проведен экспертный опрос (структурированные глубинные интервью) среди представителей науки и образования Республики Бурятия (N=13). *Результаты.* В результате опроса выяснено, что, по мнению экспертов, Республика Бурятия выступает мостом межкультурного сотрудничества России и Монголии, которое развивается преимущественно в сфере науки, культуры и образования. Эксперты не преувеличивают значение этнической и религиозной близости бурят с монголами, заявляя о сформированности у бурят в большей мере российской гражданской идентичности, что особенно проявилось в период проведения Специальной военной операции России на Украине (СВО). Многие эксперты особо выделили значение региональной идентичности не только для бурят, но и для всех народов, проживающих в Бурятии. *Выводы.* Говоря о практическом использовании категорий цивилизационной политологии, эксперты позитивно оценили перспективу их внедрения в разработку программных документов по национальной политике. Вместе с тем необходимо провести научную работу по уточнению ключевых понятий и внедрению их в систему образования, чтобы использование категории «российская цивилизация» способствовало как защите культурного многообразия нашей страны, так и консолидации общества.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Республика Бурятия, этническая идентичность, гражданская идентичность, цивилизационная политология, цивилизационная идентичность, межкультурное взаимодействие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Монголии (MES) в рамках проекта «Этнический фактор в развитии межкультурного диалога России и Монголии на современном этапе» (№ 24-48-03030, <https://rscf.ru/project/24-48-03030/>).

Для цитирования: Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В. Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 881–896. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-881-896

Abstract. Introduction. The article examines the role of the ethnic factor in the cross-civilizational dialogue between Russia and Mongolia with evidence from the Republic of Buryatia. The latter federal subject is a border region located in the ‘overlapping’ zone of Russian and Mongolian civilizations, i.e. serves as somewhat an outpost of both the latter. This may actualize the question of competition (combination) between ethnic, civil and civilizational identities for Buryat residents of the Republic. **Materials and methods.** The methodological research basis is compiled from elements of social constructivism and civilizational political science. In 2024, an expert survey (structured in-depth interviews) was conducted among representatives of science and education of the Republic of Buryatia (N=13). **Results.** The survey reveals that experts tend to perceive the Republic of Buryatia as a bridge for cross-civilizational cooperation between Russia and Mongolia — given that such cooperation mainly covers the fields of science, culture and education. Experts are not inclined to exaggerate the importance of ethnic and religious affinities between Buryats and Mongolians. Russian civil identity is reported to have taken complete shape among the Buryat, and to date they belong — to a greater extent — to the Russian civilization, which, in particular, has manifested itself during the Special Military Operation. Quite a share of the experts also confirmed the importance of regional identity for representatives of all ethnic groups inhabiting Buryatia. **Conclusions.** As for practical use of categories inherent in civilizational political science, the experts positively assessed the prospect of their implementation in program documents on national (ethnic) policies. Meanwhile, it is necessary to undertake research efforts to clarify key concepts and integrate them into the education system so that the use of the category ‘Russian civilization’ should contribute to both the protection of our country’s cultural diversity and the consolidation of society.

Keywords: Russia, Mongolia, Republic of Buryatia, ethnic identity, civil identity, civilizational political science, civilizational identity, cross-civilizational interaction.

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation and the Ministry of Education and Science of Mongolia (MES), project no. 24-48-03030 ‘The Ethnic Factor in the Development of Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue at the Present Stage’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03030>.

For citation: Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. The Ethnic Factor in Russia-Mongolia Cross-Civilizational Dialogue with Evidence from Buryatia: Analyzing Expert Interviews. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 881–896. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-881-896

1. Введение

Социальные, политические, экономические и культурные процессы в России и Монголии в начале XXI в. существенно повлияли на развитие двустороннего диалога. При этом на взаимодействие России и Монголии, особенно в приграничной зоне, значительно воздействует этнический фактор. Близкие монголам по своим этнокультурным характеристикам (языку, религии, способам ведения хозяйства) буряты, тувинцы, калмыки и проживающие бок о бок с ними другие народы России находятся в пересекающихся в Центральной Евразии орбитах

русской и монгольской цивилизаций. В этих регионах вполне закономерно происходит своя специфическая реакция на внешние и внутренние вызовы. Здесь может произойти смещение шкалы ценностных ориентиров, иначе здесь может выглядеть иерархия приоритетов, пути решения единых для всего российского общества задач социально-экономического развития. В этой плоскости межкультурного взаимодействия более отчетливо просматривается межгосударственное сотрудничество наших народов в сфере торгово-экономических отношений, инфраструктурных проектов, куль-

турно-информационного обмена, туризма, науки и образования. Все это делает актуальным применение методологии цивилизационной политологии и этносоциального подхода к исследованию современного российско-монгольского диалога.

Российская Федерация как государство полиэтническое и поликонфессиональное стремится сохранять свое культурное многообразие и этноконфессиональную специфику регионов. В силу своей особой этнической, языковой, религиозной содержания пограничные регионы зачастую *«находятся полностью или частично в „перехлестывающихся“ орбитах различных центров мирового политического и экономического влияния»* [Железняков, Литвинова 2014: 15]. Например, развитие монголоязычных народов России (бурят и калмыков) ведет начало от общемонгольских историко-культурных корней, в той или иной мере связывающих монгольскую цивилизацию. Языковая, культурная и религиозная близость отчасти роднит жителей Монголии с жителями Республики Бурятия, Республики Калмыкия и Республики Тыва (в последнем случае — культурная и религиозная) в составе Российской Федерации, с монголами Внутренней Монголии и Синьцзяна в составе КНР. По мнению В. И. Антонова, в процессе взаимодействия традиционной кочевой монгольской цивилизации и российской культуры буряты являются носителями двуединой идентичности: исконно монгольской (культурно-исторической) и новой, российской [Антонов 2024: 81].

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., численность бурят в общей численности населения Республики Бурятия составила 295,3 тыс. человек (32 %), из них владеющих бурятским языком 261,7 тыс. чел. (89 %). Всего из числа лиц, проживающих в Республике Бурятия, указавших родной язык в переписных листах, бурятским языком владеют 29 % [Всероссийская перепись 2020].

Цель статьи — исследовать сочетание этнического и цивилизационного факторов в приграничном взаимодействии России и Монголии на примере Республики Бурятия. Для достижения поставленной цели в августе

те 2024 г. была проведена серия интервью с представителями учреждений науки и образования и другими жителями Республики Бурятия.

В качестве рабочей гипотезы авторы выдвинули следующее предположение: *«у находящихся в зоне перехлеста двух цивилизаций жителей Республики Бурятия этническая идентичность сочетается с гражданской и цивилизационной, но гражданская доминирует над цивилизационной»*.

2. Методология, материалы и методы

Понятие этнической идентичности в современной науке изучается с позиций двух основных подходов: примордиализма [Smith 1983: 180], где акцент делается на природной (родовой) заданности этничности, и конструктивизма [Smith 2002: 6; Brass 1991: 8], рассматривающего этничность как производное от динамики социальных отношений, своеобразный мысленный конструкт. Примиряющим эти два подхода стал инструментализм, сосредоточивающий внимание на моменте субъективного выбора индивидом своей этнической принадлежности [Четвертакова 2023: 65]. В России получил распространение синтезированный полипарадигмальный подход к понятию этничности, который исходит как из природных предпосылок этнической идентичности, так и из понимания, что в современном мире этничность может быть социальным конструктом или индивидуальным выбором людей [Дробижева 2013]. По мнению В. А. Тишкова, конструктивизм не отвергает примордиализма, а помогает понять, как *«вызываются к жизни и проявляют себя примордиальные чувства и лояльности»*, как создаются и меняются этнические идентичности в результате политического воздействия [Тишков 2023: 6].

В 2021 г. исследователи из Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова опубликовали результаты социологического опроса, посвященные соотношению этнической и гражданской идентичностей (N=200). На вопрос, что является главным при определении этнической идентичности, респонденты отвечали: «национальность отца» — 56 %, «родной язык» — 47 %,

«культура» — 37 %, «национальность матери» — 36 %. При этом ответ на вопрос о степени важности для респондентов региональной идентичности продемонстрировал, что для значительной части населения республики (76 %) региональная идентичность превалирует над гражданской. На вопрос «Как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России?» было получено следующее распределение ответов: «россияне» — 65 %, «российский народ» — 20 %, «русские» — 8 % [Комбаев и др. 2021: 86–87]. Таким образом, мы можем обратить внимание на преимущественно примордиальное понимание этнической принадлежности (от отца, от матери) и конструктивистское в осознании гражданской идентичности (все граждане России — россияне) среди респондентов.

Полипарадигмальный подход характерен и для цивилизационной политологии, сконцентрированной на изучении объемной «стереоскопической» картины устройства общества, получающейся при совмещении цивилизационного и политического пространств, которые в научном дискурсе представлены в разных исследовательских парадигмах. Формирование цивилизационного подхода пришлось на рубеж XIX–XX вв., что нашло отражение в работах классиков — Н. Я. Данилевского [Данилевский 2002], О. Шпенглера [Шпенглер 2010] и А. Тойнби [Тойнби 2010]; в отечественных исследованиях он приобрел особую популярность гораздо позже, после распада СССР. К достоинствам цивилизационного подхода, безусловно, можно отнести нелинейное видение истории, понимание, что у каждого общества своя скорость культурного и технического прогресса. Однако отсутствие четкости в критериях выделения той или иной цивилизации делает подход уязвимым. На эту особенность обратил внимание еще Питирим Сорокин, который систематизировал работы классиков, определив направление их работ в качестве цивилизационного подхода [Sorokin 1963]. С. Хантингтон не преодолел уязвимость подхода, выделив нечеткое число цивилизаций: 7 или 8 основных и некоторое число второстепенных [Хантингтон 2003: 17].

Попытки сочетания этнического и цивилизационного подходов в гуманитарных исследованиях уже предпринимались ранее, хотя не получили академического признания. Так, известный основатель пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилев акцентировал внимание на объективном характере этноса, его связи с природной средой, прежде всего с территорией проживания (ландшафтом), а также на существовании у этноса особого свойства комплиментарности — «подсознательного ощущения» своей общности [Гумилев 1994: 12].

Л. Н. Гумилев по праву считается наследником идей евразийцев, которые не делали акцент на факторе этничности, однако внесли существенный вклад в определение самобытности российской цивилизации. Н. С. Трубецкой [Трубецкой 2014], П. Н. Савицкий [Савицкий 1997], Г. В. Вернадский [Вернадский 2000] и др. видели своеобразие российской цивилизации в сложном сопряжении культур Европы и Азии, которое исторически произошло на территории нашей страны, а истоком этого культурного и политического сопряжения считали не Древнюю Русь со столицей в Киеве, а империю Чингисхана. Г. В. Вернадский в своей работе «Начертание русской истории» отмечал, что вся история русского народа — это постепенное освоение «своего месторазвития — Евразии», куда, помимо русских, входят и другие этносы. Такое уникальное объединение дает нашим краям и народам экономические и культурные преимущества. «*Российское государство есть государство Евразийское, и все остальные народности Евразии должны чувствовать, что это есть их государство*» [Вернадский 2000: 282].

С началом Специальной военной операции пришло время уточнения места России в современном цивилизационном мироустройстве как государства-цивилизации. Это требует развития нового научного направления — цивилизационной политологии. По словам Д. В. Тренина, русские исторически держали себя на одном уровне с другими народами, были открыты внешнему миру, сохраняя при этом внутреннюю целостность. «*Ядром российской цивилиза-*

ции-державы являются русские люди», но этнический аспект не главный. «Русское общество открыто, свободно и на равных принимает в свой состав другие этносы, а традиции веротерпимости позволяют мирно сосуществовать представителям разных религий» [Тренин 2022: 35].

В русле цивилизационной политологии просматривается и проблема места монгольской цивилизации в современном мироустройстве. Само это научное направление возникло на анализе, проведенном исследователями из России, Монголии и ряда других стран, привязки истории Монголии к ее положению в системе современных международных отношений [Железняков 2024: 207].

В момент распада социалистического блока стало очевидным, что какие-либо привычные штампы для позиционирования Монголии в формирующемся современном многополярном мире не работают: парадоксально, но о Монголии с населением в три с половиной миллиона человек, не имеющей выхода к морю, невозможно говорить как о цивилизационной периферии или полупериферии и как о лимитрофе. В первом случае исследователи не находят за пределами Монголии ядра цивилизации, даже к отдаленной части которой можно было бы ее отнести. Во втором случае нынешняя Монголия не проявляет стремления присоединиться к какому-либо внешнему геополитическому центру. В ее приоритете — многовекторная политика.

Сочетание социального конструктивизма и методологии цивилизационной политологии позволяет нам поднять вопрос о возможности категоризации понятия «цивилизационная идентичность» как ощущения народом и / или его представителями принадлежности к самому высокому уровню историко-культурной идентичности (выше этнической, религиозной или гражданской). Республика Бурятия, как регион, находящийся на стыке российской и монгольской цивилизаций, является интересным объектом для проверки и операционализации этого понятия.

В рамках исследования было проведено 13 структурированных глубинных интер-

вью с экспертами (представителями системы науки и образования), жителями Республики Бурятия.

Характеристика выборки. Выборка неслучайная, целевая: среди экспертов 11 кандидатов и докторов наук, 2 аспиранта (см. табл. 1). Все эксперты имеют опыт работы в сфере науки и образования свыше 15 лет, публикации, посвященные социально-политическим и культурным аспектам развития Республики Бурятия, российско-монгольским отношениям, все эксперты были участниками различных международных научных мероприятий (конференций, круглых столов, научных семинаров), проводившихся в России и Монголии за последние 15 лет. Более половины экспертов участвовали в российско-монгольских исследовательских проектах (грантах, полевых исследованиях, подготовке и публикации совместных статей с монгольскими учеными).

Гайд интервью содержал 10 вопросов и предполагал развернутые ответы и комментарии ученых и исследователей по таким ключевым категориям и проблемам, как: российская цивилизация, монгольская цивилизация, цивилизационный подход, сочетание этнической и гражданской идентичности у жителей Республики Бурятия, цивилизационная идентичность, роль Республики Бурятия в российско-монгольском диалоге. Поскольку цивилизационная политология это сравнительно новое направление, не известное широкому кругу, в интервью сделан упор на использовании вполне привычных категорий цивилизационного подхода.

3. Результаты исследования

Первый вопрос предлагал экспертам дать свое определение понятию «монгольская цивилизация». Судя по ответам, определение «монгольской цивилизации» устоялось среди научного сообщества Бурятии. Большинство (7 экспертов) она трактуется как совокупность народов, имеющих общие социокультурные корни, язык, в прошлом объединенных кочевым образом жизни, связывающих свою историю с личностью

Таблица 1. Основные характеристики участников интервью
[Table 1. Basic characteristics of interviewees]

Код	Пол	Возраст	Ученая степень	Место работы
Э 1	М	43	канд. пед. наук, Ph.D.	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 2	М	44	д-р социол. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 3	М	45	д-р социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 4	Ж	45	канд. ист. наук.	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 5	М	48	канд. социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 6	Ж	43	д-р филос. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 7	М	37	канд. ист. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 8	Ж	52	канд. филос. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 9	Ж	47	канд. социол. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 10	Ж	50	канд. социол. наук	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Э 11	М	44	д-р полит. наук	Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Э 12	М	44	аспирант	Государственное автономное профессиональное образо- вательное учреждение Республики Бурятия «Республи- канский многоуровневый колледж»
Э 13	М	47	аспирант	Правительство Республики Бурятия

Составлено авторами на основе: [ПМА 2024].

Чингисхана, проживающих в Монголии, КНР и России. Несколько (3) интервьюируемых обратили внимание на то, что в классической европейской цивилиграфии кочевым цивилизациям уделялось недостаточно внимания, не учитывалось их богатство и своеобразие.

Приведем наиболее яркие высказывания:

«К монгольской цивилизации можно отнести основателя монгольской империи Чингисхана, признанного одним из величайших людей тысячелетия. Те основы, которые он заложил в Монгольской империи, они до сих пор во многом существуют и в Российском государстве. То есть <...> достаточно много параллелей можно провести между Монгольской империей и Российской империей» [ПМА 2024: Э 5].

«Если в современности рассматривать, монгольская цивилизация — это пространство, разделенное между тремя странами — Монголия, Россия и Внутренняя Монголия Китая, —

имеющее какие-то общие культурные основы: традиции, обычаи, язык» [ПМА 2024: Э 6].

Второй вопрос предлагал респондентам дать определение понятию «российская цивилизация». Интересно, что часто (в 7 интервью) эксперты связывали российскую цивилизацию с историей российской государственности, включавшей в сферу своих интересов соседние народы и объединявшей их не только политическими элементами, но и языком, культурой, при этом они отмечали, что все народы России являются частью этой цивилизации. Некоторые эксперты (2 интервьюируемых) подчеркивали значение других народов, оказавшихся в орбите политического и культурного влияния России и в настоящее время проживающих не только в нашей стране, но и на постсоветском пространстве (концепт «Русский мир»). Также в нескольких интервью (4) прозвучали суждения близкие евразийст-

ву, рассматривающие российскую цивилизацию как географическое пространство между Европой и Азией и как уникальную евразийскую цивилизацию, не схожую с Западом.

Несколько участников исследования подчеркнули, что наиболее благоприятным для освоения общего культурного кода был советский период:

«Свой окончательный контур, в моем понимании, российская цивилизация получила в период советской власти, когда светское образование пришло на окраины и очень многие народы получали образование в общегосударственном формате. Мы [буряты. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] вошли в орбиту советской государственности и вобрали идеи и ценности российской цивилизации» [ПМА 2024: Э 10].

Кроме того, эксперты отметили важность осмысления понятия «российская цивилизация» в текущей политической ситуации:

«У российской цивилизации как у категории больше ресурсов, возможностей для продвижения [чем у монгольской. — Т. Л., А. Ж., С. Н.]. Тем более, что сейчас это видение пересобирается во многом под влиянием политического процесса. В. В. Путин, например, публично проявляет свою приверженность этому видению России как специфической, особой цивилизации, государства-цивилизации» [ПМА 2024: Э 3];

«Так как мы сейчас являемся частью этого большого мира, естественно, для нас общие те проблемы, те традиции, которые свойственны жителям всей России. Сейчас все, что происходит в мире, я как часть российской цивилизации понимаю, что надо Родину защищать» [ПМА 2024: Э 4].

Третий вопрос предлагал экспертам размышлять: *«Каким образом этнический фактор (этнокультурная и этноязыковая близость бурят с монголами) влияет на российско-монгольский диалог на современном этапе?»*

Здесь мнения респондентов разделились. Только четверо респондентов трактовали этнокультурную и этноязыковую близость как явление однозначно положительное, выдвигающее Республику Бурятию на позицию проводника для двустороннего диалога.

«Здесь надо сказать, что монголы практически всегда, на протяжении всей истории, счи-

тают бурят очень близкими, родными людьми. И, соответственно, зная эти родственные связи, они относятся к России, к бурятам, которые проживают на территории России, очень дружелюбно, очень миролюбиво, практически как к родным. То есть те же монголы, только обрусевшие монголы. Мне кажется, этот фактор достаточно хорошо используется во внешней политике обоих государств, и Бурятия является таким транзитным регионом именно для взаимодействия Монголии и России» [ПМА 2024: Э 5].

Часть респондентов (также четверо) посоветовали на то, что диалог ведется исключительно в научной, образовательной и культурной сферах, другие (3 эксперта) заявили, что сотрудничество идет не без проблем и связь во многом «воображаемая».

Особый интерес вызвали высказывания о бурятах, проживающих в России, Монголии и Китае:

«Мы, буряты, едины, несмотря на то что живем в трех странах и отличаемся. Мы обрусели, мы практически утратили свой язык, говорим в основном по-русски. Китайские буряты более законсервированные. Буквально недавно моя коллега записала в экспедиционной поездке в Китае сказки и устные рассказы бурят. Это то, что мы утратили, а там оно сохранилось. И благодаря ее книге наши потомки могут знать, какие сказки рассказывали. „Алтаргана“ [международный фестиваль бурят. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] обладает потенциалом, она сближает. Мне не хотелось бы, чтобы кто-то углядел в этом национализм. Это и есть сближение — гуманитарный потенциал этого фестиваля. Но опять же его мало используют в практике политической. Исторически так сложилось: ряд монголов очень ревностно относятся к бурятам российским, подозревая их в разных не очень лояльных именно с точки зрения Монголии вещах. Некоторые откровенно называли и называют [бурят. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] проводниками именно российской политики в Монголии» [ПМА 2024: Э 10];

«Конечно, влияет. Здесь роль Бурятии позитивная, потому что близость языка, близость менталитета, она имеет место быть. Хотя, конечно, и проблемы есть этнических бурят в Монголии, и мы знаем об этом. Мы также осознаем, что Монголия сейчас смотрит в разные стороны, есть определенные отношения с Китаем, определенные отношения с западными странами. И мы осознаем, что есть много проблем» [ПМА 2024: Э 6].

Четвертый вопрос был направлен на выяснение влияния религиозного фактора на российско-монгольский диалог. Почти половина экспертов (6) заявила о несомненной важности религиозного фактора для сближения бурят и монголов, так как буддизм проник в Бурятию через Монголию, проводятся буддийские форумы, осуществляется паломничество. Остальные респонденты сочли неочевидным значение религиозного фактора для такой близости. Несколько экспертов (4) отметили, что религиозность бурят носит поверхностный характер в силу смешения элементов буддизма, шаманизма и христианства в повседневной жизни.

Кроме того, эксперты озвучили влияние политического фактора на буддистов Республики Бурятия:

«Близость проявляется в том, что это доктринально одна школа, хотя разные организации. Сейчас, естественно, они дружеские и взаимодействуют, но вот есть некоторые нюансы, например, связанные с Богдо-гэгэном, с тибетским вопросом. Нынешнее старшее поколение лам обучались преимущественно в Гандантэгченлин [буддийская академия в Монголии. — Т. Л., А. Ж., С. Н.]. Например, хамбо лама Дамба Аюшеев там учился. Сейчас в последнее время он все больше начал говорить о том, что нужно развивать не только бурятский язык, но и монгольский язык. Начали преподавать монгольский язык в Буддийском университете для студентов. Монголы приезжают в Бурятию, и у них обязательный пункт — это посещение Иволгинского дацана и поклонение Хамбо-ламе Итигэлову» [ПМА 2024: Э 3];

«На мой взгляд, вовлеченность больших слоев населения по обе стороны границы в религию, она не такая большая. Если речь идет об институте перерожденцев: Богдо-гэгэн X, не так давно найденный и признанный, используя свой авторитет, именно религиозный, вполне может оказать влияние на какие-то мировоззренческие установки людей, буддистов России. Плюс есть такой фактор, который давно играет серьезную роль, это Далай-лама 14-й. Для части населения как в России, так и в Монголии вопрос о визите Далай-ламы это вопрос политический. То есть люди считают, что Россия и Монголия как государства идут на поводу у Китая, тем самым нарушая религиозные права верующих своих стран, когда они не впускают Далай-ламу 14-го к себе» [ПМА 2024: Э 11].

Пятый вопрос был направлен на выяснение мнения экспертов по поводу сочетания у жителей Бурятии этнической, языковой, религиозной идентичностей с гражданской. При получении ответа интервьюеры уточняли: какая идентичность доминирует или можно говорить о гармоничном сочетании идентичностей?

В ответах экспертов наиболее часто встречалось мнение о важности региональной идентичности для жителей Республики Бурятия независимо от этнической принадлежности:

«Чувство укорененности, сопричастности с историей Бурятии оно есть не только у бурят, но и у многих тысяч русских, которые здесь живут и приехали сюда в дореволюционный или по большей части в советский период» [ПМА 2024: Э 7].

Также нередким было утверждение о гармоничном сочетании этнической и гражданской идентичностей и высокой степени сформированности гражданской идентичности у жителей Республики Бурятия:

«Большинство, я буду говорить за большинство бурятского населения, видят себя в составе российского государства, являются патриотами России, служат России. Мы видим яркие примеры на СВО, когда жители Бурятии, причем независимо от национальности, они все равно считаются бурятами. И даже русские, татары, какие-то другие национальности. Если ты из Бурятии, значит ты бурят. И вот все вместе бок о бок воюют за нашу Родину, против общего врага. И также нет никаких различий в религиозных отношениях, то есть, например, бурят, придерживающийся буддизма, может зайти в православный храм, поставить свечку, или, например, русский, который живет в Бурятии, он может прийти в дацан, заказать молебен. Поэтому я считаю, здесь именно гармоничное сочетание» [ПМА 2024: Э 5];

«Для бурят значимость этнической идентичности очень важна. При этом у бурят в целом высокий уровень патриотических установок. Гражданская их идентичность очень четко сформулирована именно на уровне общероссийской. То есть понятие „я — россиянин“ для них тоже значимо. Тут каких-то конфликтов между этими двумя идентичностями абсолютно не прослеживается. Наоборот, СВО подкрепляет тезис о том, что буряты — одна из наиболее патриотических этнических групп» [ПМА 2024: Э 3].

Несколько респондентов (3) обратили внимание на размывание этноязыковой идентичности из-за незнания языка.

«Вот язык утратили, но при этом ценность своего языка мы все прекрасно понимаем и все хотим знать свой язык, вернее, мы гордимся тем, что у нас свой бурятский язык. Это, наверное, плохо, что мы не прилагаем усилий к его изучению» [ПМА 2024: Э 10].

Только два эксперта отметили, что для бурят важнее этническая идентичность, а для русских — гражданская.

Также один из экспертов высказал интересное суждение о бурятских субэтнических группах:

«У бурят есть крупные образования внутри бурятского народа, которые тоже конструируют собственные группы: бурхунские буряты, агинские буряты, ну и по территориям, допустим, по районам. Вот эта субэтническая идентичность, она как раз конфликтна по отношению к общей бурятской. Потому что политические элиты, они тоже очень активно это конструируют. Сейчас, правда, доминирование главы региона настолько мощное, что он как бы гасит эти противоречия» [ПМА 2024: Э 3].

Важным для целей исследования был шестой вопрос, направленный на выяснение отношения регионального научного сообщества к категории «цивилизационная идентичность». Вопрос: *Можно ли вообще в научном дискурсе вести речь о цивилизационной идентичности? И если да, то как она соотносится с этнической, культурной и религиозной? И какая, в таком случае, цивилизационная идентичность у бурят?*

Многие эксперты (8) обратили внимание на то, что термин еще не устоялся, потому его использование в академической среде пока проблематично.

«Мне кажется, это довольно трудно операционализировать, потому что для человека очень трудно себя идентифицировать как носителя цивилизации» [ПМА 2024: Э 3].

Трое экспертов заявили, что термин можно использовать, так как любой человек ощущает свою принадлежность к какой-то цивилизации.

Относительно цивилизационной идентичности бурят более половины экспертов заявили о принадлежности российских бурят к российской цивилизации или о доминировании российской цивилизационной идентичности над монгольской.

«Цивилизационная идентичность бурят все-таки развивалась последние столетия в русле российской цивилизации, если мы принимаем такую терминологию, и в гораздо меньшей степени, наверное, уже монгольской» [ПМА 2024: Э 7];

«Я думаю, можно разговор вести вообще о любых идентичностях. Цивилизационная идентичность тоже имеет место быть. Я думаю, чем больше будет интересных парадигм, тем лучше, это то, что украшает науку. Это ее обогащает. Какая цивилизационная идентичность бурят? Для меня, наверное, в первую очередь, это российская. А потом уже монгольская» [ПМА 2024: Э 8].

Также один из экспертов отметил такую проблему, как возможное смешение понятий цивилизационной идентичности и принадлежности к государству-нации:

«Для молодежи, как мне кажется, цивилизация выступает синонимом государственности, государства-нации. И поэтому, я думаю, что можно говорить о том, что есть цивилизационная идентичность именно с точки зрения соотношения с государственностью. Цивилизационная идентичность довольно сложная, как мне кажется, модель. И на этот вопрос, наверное, нельзя однозначно дать ответ. А также то, как этническое, культурное и религиозное с ней связано» [ПМА 2024: Э 1].

Седьмой вопрос предлагал экспертам поразмышлять о роли Республики Бурятия как форпоста и узла межцивилизационного сотрудничества России и Монголии. Большинство (9 из 13) экспертов однозначно заявили, что такую роль Бурятия выполняет, однако ответы остальных содержали ряд оговорок: у бурят доминирует и должна доминировать принадлежность именно к российской цивилизации, внешняя и внешнеэкономическая политики прерогатива центра, а не региона, отсюда и слабость приграничных экономических связей и узость сфер сотрудничества Республики Бурятия с Монголией.

Были получены развернутые и интересные комментарии экспертов об уникальной роли Бурятии в межцивилизационном диалоге:

«Республика Бурятия — это как раз тот регион, который каким-то образом смягчает отношения с соседними государствами. Или, наоборот, может усложнить, допустим, „панмонголизм“, с которым очень рьяно советская

власть боролась. Уделять нашей республике внимание нужно. И сейчас в Республике Бурятия проводятся крупные мероприятия. Например, буддийский форум» [ПМА 2024: Э 4];

«Бурятский народ, он воплотил в себе многие черты и того, и другого, и я считаю, это абсолютно и объективно, и для самого бурятского этноса позитивно, он впитал в себя самые лучшие элементы и того, и другого» [ПМА 2024: Э 11].

Наибольший интерес представляет экспертное мнение о значении различных пограничных регионов для межкультурного диалога России и Монголии в связи с историческим контекстом развития этих территорий:

«Специфика разных пограничных регионов отличается. Например, Республика Алтай или Тува. На мой взгляд, ближе к монгольской цивилизации именно Бурятия и рядом находящийся Забайкальский край, который граничит и с Монголией, и с Китаем. Это связано с тем, что в соседних с Забайкальским краем двух монгольских аймаках, это Дорнодский и Хэнтийский, очень много бурят, которые сто лет назад откочевали, а там цифры были достаточно большие, 30 и даже более тысяч человек. Естественно, по тем меркам это было огромное население, которое откочевало на территорию Монголии. А по тувинцам, здесь надо сказать, что Тыва была в составе Халха-Монголии, Халха-Монголия была в составе Цинской империи. Идентичность у них тоже интересная. В 1944 году они официально вошли в состав Советского Союза. Здесь как раз специфика заключается в том, что они в культурном плане очень много переняли от монголов, а вот в плане языка они к другой группе относятся, тюркоязычной. То есть даже национальные виды спорта, например борьба. У них абсолютно одинаковая одежда, так же, как у халха-монголов, конные скачки и т. д. Поэтому я считаю, в целом у бурят, которые проживают в большей степени в Республике Бурятия, в Забайкальском крае, цивилизационная идентичность намного ближе к монгольской» [ПМА 2024: Э 2].

Восьмой вопрос был связан с участием жителей Республики Бурятия в политической жизни страны. В то время как наши новостные каналы описывают существенный вклад Бурятии в общую победу в СВО, зарубежные СМИ обошли мемы про «боевых бурят», Папа Римский Франциск заявил об особой «жестокости» бурят в ходе СВО [Папа Римский 2022]. Мы спросили у экс-

пертов, что они думают о таких проявлениях информационной войны и как на них реагируют жители Республики Бурятия, и получили довольно развернутые комментарии не только по заданному вопросу.

Большинство экспертов заявили, что буряты, действительно, сильный духом народ, доблестные воины (7), вместе с тем они понимают, что очевидной целью «мема» является желание расколоть российское общество, разыграв «этническую карту» (на этом факте заострили внимание 4 эксперта).

«Буквально пары видео было достаточно, чтобы завирусилось, хотя на самом деле разные этносы на СВО представлены: тувинцы, якуты, калмыки, чеченцы, дагестанцы. Но получилось так, что именно буряты оказались в центре внимания. Мы, безусловно, очень отважный и смелый народ. Но, на самом деле, в этой спецоперации не менее отважно ведут себя люди самых разных национальностей» [ПМА 2024: Э 11].

Большую популярность в Республике Бурятия в период СВО обрело высказывание «буряты не бегут», о чем упомянули три эксперта, подчеркивая, что фраза относится ко всем жителям республики независимо от этнической принадлежности:

«У нас теперь говорят: „Буряты не бегут“. И это как раз русский воин сказал, выходец из Республики Бурятия. То есть он своей региональной идентичностью гордится. Это проявлялось еще во времена советские, в армии. Когда все выходцы из Бурятии старались держаться вместе, ближе друг к другу, несмотря на свое этническое происхождение: русский, бурят, татарин» [ПМА 2024: Э 10].

Эксперты обратили внимание и на существующие цивилизационные разрывы между народами России и Западом, что также обусловило разыгрывание «этнической карты» в современной информационной войне.

«Это связано, прежде всего, с расизмом украинцев. Они для того, чтобы подчеркнуть азиатчину, дикость, варварство, это раскрутили. И вот насчет Папы Римского, это же отражение глубинных представлений, как бы оговорка, буряты и чеченцы, они отражение таких варварских орд. Опять-таки гунны, Чингис-хан — это такая позиция цивилизации — дикие варвары. И он же [Папа Римский. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] не стеснялся, он же искренне сказал то, что думал. У нас уважение к воинскому делу традиционно в культуре. У наших военнослужащих порядок, по-

тому что Забайкальский военный округ, он очень крупный. Когда-то самым крупным был вообще в системе вооруженных сил Советского Союза. И определенная доля бурят там тоже служила, не только на срочной службе, но и профессиональных военных, а потом, позже, и контрактников» [ПМА 2024: Э 3];

«Папа Римский тут кажется заложником, просто жертвой пропаганды. Буряты показывают такими символами всего азиатского, в плохом смысле слова. Орда, которая идет и безжалостно уничтожает несчастных европейцев, „из европейцев“. Мы понимаем, что это не имеет никакого отношения к действительности» [ПМА 2024: Э 11];

«Запад, как и всегда, думал, что такими действиями расколет российское общество, прежде всего, по национальному признаку. Тут наоборот. Буряты выступили яркими защитниками „русского мира“, страны. Вот я вам говорил про имперское сознание. Вот оно где, мне кажется, сработало» [ПМА 2024: Э 12].

После объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 г. в Монголию выехало 6,2 тысячи россиян, жителей восточной части России [Власти Монголии 2022]. Девятый вопрос предлагал экспертам описать социальный портрет лиц, покинувших страну. Большинство респондентов оценили релокацию как результат страха и паники среди преимущественно молодых мужчин (8), помимо этого, экспертами (7) отмечалось, что некоторая часть людей уехала, будучи несогласной с политическим курсом страны. Некоторые эксперты (5) также отметили, что убегали люди молодые, и это является недостатком в патриотическом воспитании.

Приведем высказывания, ярко демонстрирующие наиболее частые суждения:

«Я думаю, он не сильно отличается от общероссийского социального портрета, тех, кого мы называем релоканты. Были те, которые убежали по убеждениям, и они, как правило, не вернулись. Более того, некоторые из них сейчас активно занимаются пропагандой антироссийской, находясь и в Монголии, и в других странах. Но другая категория, более массовая, это люди, которые опять же стали жертвами истерии в период мобилизации. И вот из таких людей многие, может быть, даже большинство вернулись уже» [ПМА 2024: Э 11];

«Молодых много. Это дети двухтысячных от 20–25 до 35–40 — вот этот возраст. Это

результат той безграмотной государственной политики, бессистемной, которая привела к тому, что это поколение у нас потеряно. Это импульс для органов государственной власти, как нужно воспитывать молодое поколение» [ПМА 2024: Э 4].

Особый интерес вызывает высказывание эксперта, проведшего параллель между нынешними релокантами и бурятами, убежавшими в период Гражданской войны в Китай (Шэнэхэн). В 2011 г. в рамках программы по репатриации соотечественников в Россию приехало около 500 шэнэхэнских бурят из КНР.

«То же самое было сто лет назад, самые состоятельные, самые мобильные группы, которым действительно было что терять, сто лет назад убежали в Монголию и во Внутреннюю Монголию в Китае. Как они смогли сохранить свою идентичность... Буряты в Китае через сто лет вернулись сюда и полностью восстановили одежду, кухню, традиции, обычаи, свадебные обряды, похоронные обряды. То, что было утрачено в советские годы, они много чего вернули. Поэтому портрет такой. Состоятельные люди, думающие о том, что сейчас происходит и что их ожидает. С патриотизмом, видимо, проблемы какие-то у них были. Я предполагаю, что процентов, наверное, 70–80 вернулись уже обратно в Россию» [ПМА 2024: Э 2].

Завершающий вопрос интервью ставил своей целью выяснить перспективы использования методологии цивилизационной политологии для совершенствования государственной национальной политики в целях укрепления внутренней стабильности и государственного суверенитета России. Почти половина экспертов (6) отметила, что цивилизационный подход (в интервью методология цивилизационной политологии была обозначена в привычной терминологии — как цивилизационный подход) уже появился в ряде нормативно-правовых актов, но нужно быть очень аккуратным в его использовании.

«Будет зависеть от того, насколько эти положения будут конструктивны по своему характеру и способствовать межкультурной и международной консолидации, учету интересов разных этнических групп в национальной политике, поскольку мы хорошо представляем то, что цивилизационное направление может быть прописано совершенно по-разному — и

конструктивно, и деструктивно. Все зависит от конечной реализации» [ПМА 2024: Э 7].

Несколько экспертов (3) также отметили, что одного включения цивилизационного подхода в нормативные документы мало, за этим должна последовать конкретная работа, практическая реализация, особенно в сфере патриотического воспитания молодежи. Большое практическое значение в этом плане играет новая дисциплина «Основы российской государственности», внедренная в обучение во все вузы страны.

«В этой дисциплине есть большая такая тема „Россия как многонациональное, полиэтническое пространство“. Мы там много чего объясняем. Смотрите, у нас в стране живет столько людей, мы все россияне. Это такие простые вещи, и они во многом замыкаются на цивилизационном подходе. Россия — это государство-цивилизация, которая исторически играет важнейшую роль в развитии человечества в современном мире. То, что Россия утратила свой суверенитет над частью территории исторической, нужно на самом деле исправлять» [ПМА 2024: Э 3].

Проблемы традиционного (классического) цивилизационного подхода, в отличие от методологии цивилизационной политологии, связаны с множественностью интерпретаций понятия «цивилизация», а также с неясностью его сопряжения с другими, более устоявшимися категориями и понятиями.

«Нужно очень четко разобраться в разнице между, допустим, идеями „русского мира“, русской цивилизации, российской нации и так далее. То есть эти вещи мы должны достаточно четко наполнить содержанием. И они должны очень четко друг от друга отличаться. Здесь, мне кажется, нам нужно очень большую работу системную провести, я имею в виду в образовании, в науке» [ПМА 2024: Э 1].

В целом ученые из Республики Бурятия позитивно оценили перспективы использования цивилизационного подхода в нормативных документах.

«Очень хорошая идея, поскольку наш законодатель признает, что Россия является государством-цивилизацией, и, соответственно, цивилизационное направление необходимо. Раз мы признаем, что Россия — это отдельная цивилизация, то надо идти дальше. Говорить о том, что наша цивилизация взаимодействует с другими цивилизациями, в том числе и с мон-

гольской цивилизацией, причем взаимодействует мирно» [ПМА 2024: Э 5];

«Для России, естественно, важно, как для большой страны, многонациональной, использовать [цивилизационную идентичность. — Т. Л., А. Ж., С. Н.] для того, чтобы укреплять наше внутреннее единство, чтобы, грубо говоря, не развалиться, не пропасть по одиночке» [ПМА 2024: Э 11].

4. Заключение

Результаты экспертного опроса в целом подтвердили гипотезу о доминировании российской гражданской идентичности и ощущение большей принадлежности к российской цивилизации у жителей Республики Бурятия. Вместе с тем высказывания экспертов позволяют нам пойти дальше и оценить перспективы использования методологии цивилизационной политологии в российской науке и политической практике с учетом необходимости тщательного исследования зон пересечения (форпостов) разных цивилизаций.

Понятие «монгольская цивилизация» устоялось в региональной научной среде и большинством экспертов из Бурятии определяется как локальная общность, охватывающая родственные народы, проживающие в России, Монголии и Китае, связанная кочевой культурой и исторической личностью Чингисхана. Понятие «российская цивилизация» также оформилось в научном сообществе Республики Бурятия как общность людей, сложившаяся в результате развития российской государственности, объединившей соседние народы не только политически, но и русским языком и культурой. Большинство экспертов (8 из 13) позитивно отнеслись к использованию в научном дискурсе категории «цивилизационная идентичность», однако ряд экспертов (4) выразили аргументированные сомнения в связи с масштабностью и трудностями операционализации данной категории.

По мнению экспертов, этническая и религиозная близость бурят к монголам позитивно влияет на развитие российско-монгольского диалога, прежде всего, в сфере науки, культуры и образования. Однако в сложившихся политических условиях такую близость и ее влияние на российско-мон-

гольские отношения преувеличивать не стоит. Большинство экспертов (9 из 13) выразили уверенность в том, что Республика Бурятия является форпостом и узлом межкультурного взаимодействия России и Монголии на современном этапе.

У жителей Республики Бурятия российская гражданская идентичность гармонично сочетается с этнической, треть экспертов отметили, что даже у этнических бурят она доминирует. Этот тренд наметился в период СВО. Ряд экспертов (5 из 13) заявили о значении региональной идентичности для жителей Республики Бурятия.

Участие жителей республики в Специальной военной операции выступило значимым маркером принадлежности к «русскому миру». Большинство экспертов с гордостью высказались о героизме выходцев из Республики Бурятия — участниках СВО. Использование «мема» о «боевых бурятах» эксперты оценили как информационную провокацию, попытку расколоть российское общество по этническому признаку,

неграмотность и стереотипы западных и украинских СМИ. Бегство молодых мужчин в период частичной военной мобилизации эксперты объясняли сиюминутным страхом, по мнению экспертов, уезжали люди молодые, обеспеченные, не согласные с официальным курсом страны, что свидетельствует о недостатках в патриотическом воспитании в начале 2000-х гг.

Говоря о практическом использовании цивилизационного подхода, эксперты позитивно оценили перспективу внедрения понятий цивилизационной политологии в программные документы по национальной политике. Однако 6 из 13 экспертов заявили, что необходимо детально разобраться с ключевыми терминами, чтобы грамотно донести их до граждан, чтобы использование категории «российская цивилизация» способствовало как защите культурного многообразия нашей страны, так и консолидации общества. Большую роль в этом в этом плане должно играть патриотическое воспитание молодежи.

Полевые материалы авторов

ПМА 2024 — Экспертные интервью с жителями Республики Бурятия, представителями сферы науки и образования (N=13) (2024).

Authors' Field Data

Expert interviews with Buryatia-based representatives of scholarly and educational communities. N=13. 2024. (In Russ.)

Источники

Всероссийская перепись 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. 19.01.2023 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [электронный ресурс]. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 12.12.2024).

Sources

2020 Russian Census. On: Federal State Statistics Service of Russia, Buryatia Office (website). Posted on 19 January 2023. Available at: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2020> (accessed: 12 December 2024). (In Russ.)

Литература

Антонов 2024 — Антонов В. И. Особенности идентичности монгольских этносов России в контексте истории и современности (на примере бурят) // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 3(56). С. 81–94. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_81

Вернадский 2000 — Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 320 с.

References

Antonov V. I. Features of identity of Mongolian ethnic groups of Russia in the context of history and modernity (On the example of the Buryats). *International Journal of Cultural Research*. 2024. No. 3(56). Pp. 81–94. (In Russ.). DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_81

Vernadsky G. V. Outlining Russian History. St. Petersburg: Lan', 2000. 320 p. (In Russ.)

- Власти Монголии 2022 — Власти Монголии пообещали выдавать россиянам виды на жительство. 01.10.2022 [электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (дата обращения: 25.05.2025).
- Гумилев 1994 — Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ – ДИК, 1994. 544 с.
- Данилевский 2002 — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
- Дробизжева 2013 — Дробизжева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
- Железняков 2024 — Железняков А. С. Цивилизационная политология как научное направление // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Мат-лы X Всеросс. конгресса политологов РАПН с международным участием (г. Москва, 05–07 декабря 2024 г.) / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной и др. М.: Аспект Пресс, 2024. С. 207–208.
- Железняков, Литвинова 2014 — Железняков А. С., Литвинова Т. Н. Цивилизационные и социокультурные аспекты модернизации полиэтничных регионов Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 14–21.
- Комбаев и др. 2021 — Комбаев А. В., Борисова А. С., Суманеев Е. В. Этническая идентичность в Байкальской Азии // Социология. 2021. № 6. С. 84–92.
- Папа Римский 2022 — Папа Римский назвал чеченцев и бурят самыми жестокими в российской армии. 28.11.2022 [электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5693530> (дата обращения: 25.05.2025).
- Савицкий 1997 — Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Тишков 2023 — Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (омаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1(19). С. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25
- Тойнби 2010 — Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2010. 640 с.
- Mongolian authorities promise to issue residence permits for Russian citizens. On: RBC. Posted on 1 October 2022. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (accessed: 25 May 2025). (In Russ.)
- Gumilyov L. N. Ethnogenesis and the Biosphere. Moscow: Tanais DI – DIK, 1994. 544 p. (In Russ.)
- Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Drevnee i Sovremennoe, 2002. 548 p. (In Russ.)
- Drobizheva L. M. Ethnicity in Russia's Sociopolitical Space: Twenty-Year Experiences. Moscow: Novyi Khronograf, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S. Civilizational political science as a scientific direction. In: Gaman-Golutvina O. V. et al. (eds.) Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Paradigms of Development. Jubilee congress proceedings (Moscow, 5–7 December 2024). Moscow: Aspect Press. 2024. Pp. 207–208. (In Russ.)
- Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. Civilizational and sociocultural aspects of multiethnic regions' modernization in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2014. No. 17. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Kombaev A. V., Borisova A. S., Sumaneev E. V. Ethnic identity in Baikal Asia. *Sociology*. 2021. No. 6. Pp. 84–92. (In Russ.)
- Pope characterizes Chechens and Buryats as most brutal in Russian army. On: Kommersant. Posted on 28 November 2022. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5693530> (accessed: 25 May 2025). (In Russ.)
- Savitsky P. N. The Eurasian Continent. Moscow: Agraf, 1997. 464 p. (In Russ.)
- Tishkov V. A. On reconciling constructivism and primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografiya*. 2023. No. 1 (19). Pp. 6–25. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25
- Toynbee A. J. A Study of History. Moscow: Airis Press, 2010. 640 p. (In Russ.).

- Тренин 2022 — *Тренин Д. В.* Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 32–42. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42.
- Трубецкой 2014 — *Трубецкой Н. С.* Общеευразийский национализм // Русское зарубежье: История и современность: Сб. статей / ред. кол.: Мухачёв Ю. В. (гл. ред.) и др. Вып. 3. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 198–206.
- Хантингтон 2003 — *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Четвертакова 2023 — *Четвертакова Ж. В.* Социокультурный подход к определению понятия «этнос» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 1(47). С. 61–67.
- Шпенглер 2010 — *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. 1085 с.
- Brass 1991 — *Brass P. R.* Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. 358 p.
- Smith 1983 — *Smith A. D.* Theories of Nationalism. New York: Holmes and Meier, 1983. 350 p.
- Smith 2002 — *Smith A. D.* When is a Nation // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–32. DOI: 10.1080/714000928
- Sorokin 1963 — *Sorokin P. A.* Reply to My Critics // Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by Philip J. Allen. Durham: Duke University Press, 1963. Pp. 371–496.
- Trenin D. V. What we are, where we are, what we stand for – and why. *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20. No. 3. Pp. 32–42. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-32-42
- Trubetskoy N. S. Paneurasian nationalism. In: Mukhachev Yu. V. (ed.) *Russian Émigré Community: Past and Present. Collected articles*. Vol. 3. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (RAS), 2014. Pp. 198–206. (In Russ.)
- Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Moscow: AST, 2003. 603 p. (In Russ.)
- Chetvertakova Zh. V. Socio-cultural approach to the definition of the concept «ethnos». *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2023. No. 1(47). Pp. 61–67. (In Russ.)
- Spengler O. The Decline of the West. Moscow: Alpha-Kniga, 2010. 1085 p. (In Russ.)
- Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. 358 p. (In Eng.)
- Smith A. D. Theories of Nationalism. New York: Holmes & Meier, 1983. 350 p. (In Eng.)
- Smith A. D. When is a nation. *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–32. (In Eng.) DOI: 10.1080/714000928
- Sorokin P. A. Reply to my critics. In: Allen Ph. J. (ed.) *Pitirim A. Sorokin in Review*. Durham: Duke University Press, 1963. Pp. 371–496. (In Eng.)

